

Автору первой российской рок-оперы «Орфей и Эвридика» и многих популярных мелодий композитору Александру Журбину исполнилось 60 лет. В октябре неутомимый юбиляр открывает в Москве свой фестиваль — еще один повод поговорить с ним о музыке и о жизни.

— Юбилей — это повод подводить итоги и говорить о планах.

— Действительно, круглые даты наводят на мысль, что сделано, как прожито и насколько достойно я выполняю то, что мне поручено. Мое любимое выражение: если у тебя есть дар, то это поручение свыше и его надо выполнять. Если человек плохо выполняет, то следует наказание, а если человек старается максимально его реализовать, то Бог к нему относится хорошо. Я старался, особенно в последнее время.

Разумеется, кое-что и не удалось и еще есть о чем мечтать. С детства у меня была некая программа. В 20 лет я наметил произведения, которые хотел бы написать. Оглядываясь сейчас назад, вижу, что почти все написал, но еще кое-что осталось. Сейчас, например, закончил мюзикл, из суеверия не скажу какой. Скажу только, что очень большой. Вслед за ним у меня уже стоят в плане две работы: одно либретто уже готово, другое готовится. Сейчас у меня три симфонии, а я хочу, чтобы их было четыре, а в идеале пять. У меня сейчас несколько киноработ. Например, в данный момент на «Ленфильме» запускается 8-серийный фильм, не буду говорить название, скажу только, что режиссер Эрнест Ясан, тот, с кем я работал в фильме «В моей смерти прошу винить Клаву К.». Мы с ним делали еще пару работ. Через 18 лет он заказал мне музыку к своему новому фильму.

— Среди собственных работ есть любимые и нелюбимые?

— Есть расхожее выражение: произведения — это как дети. Действительно, все свои песни, симфонии, оперы, мюзиклы я родил. Любимые работы из театральных — «Биндюжник и король» по Бабелю, люблю «Чайку», очень люблю недавнюю работу «Униженные и оскорбленные», очень люблю рок-оперу «Фьоренца» по новелле Томаса Манна. Мне также нравятся мой скрипичный квартет и мой фортепьянный квинтет, все это будет исполняться на фестивале, который состоится с 14 по 26 октября. Что касается песен, то обычно мне нравятся последние работы. Сейчас я люблю «Тучи в голубом» и «Гости съезжались на дачу».

— Вы же отец русского мюзикла...

— Иногда даже говорят, что я не отец его, а дедушка.

— Чем объясняется мода на мюзиклы?

— Я начинал в середине 70-х, в так называемую глухую пору листопада (строчка из стихотворения Пастернака), когда и речи не было ни о каких мюзиклах. Дело в

том, что мюзикл — это шикарное развлечение, развлечение для среднего класса, для того высокого уровня, где есть хорошая музыка, хорошая литература, танцы. Очень многие в России неправильно считают, что мюзикл — это что-то за гранью приличия. Один критик, которого я уважаю, написал, что для русского человека мюзикл — это что-то вроде стриптиза, но только на стриптиз неудобно пойти с женой, а на мюзикл можно. Я с этим категорически не согласен, мюзикл — это очень большое искусство с колоссальными традициями, со своими шедеврами, иногда с очень изысканными, тонкими произведениями, написанными в этом жанре. В России об этом ничего не знают, и многие безапелляционно, нахально судят об этом жанре, ничего в нем не понимая. Я пытаюсь эту лакуну незнания закрыть. Что касается нынешней попу-

и Джульетта». Я вообще их мюзиклами не считаю. «Нотр-Дам» — это костюмированный концерт. Один выходит, поет песню, уходит, выходит другой — поет другую песню, потом кто-то потанцует. Нет никакого взаимодействия, никакой драматургии. Это никакого отношения к мюзиклу не имеет. Мюзикл — это спектакль, где есть музыкальная драматургия, где есть интеграция музыкального и словесного текста. Здесь ничего этого нет, все очень примитивно. «Метро» — это просто коллективные танцы под музыку, сюжет глупейший. Что касается «Ромео и Джульетты», по жанру это наиболее близко к мюзиклу (как я его понимаю), но это просто очень слабое произведение и музыкально, и драматургически. Из русских мюзиклов мне, пожалуй, понравился «Норд-Ост». Я считаю, что это была удачная попытка на хорошей русской литературе сделать хороший русский мюзикл. Эти ребята, Васильев и Ивашенко, проделали большую работу — изучили, что такое мюзикл, и сделали на русской почве мюзикл вполне международного класса. Но их постигла трагическая судьба:

ПОСЛЕ ЮБИЛЕЯ

Выход из «Метро»

Александр ЖУРБИН:

«В мюзикле должна быть драматургия, а не просто коллективные танцы под музыку»

лярности мюзикла, я этому очень рад, значит, публика созрела. И я уверен, что переклассный мюзикл сейчас будет идти нарасхват.

— Какие современные мюзиклы из тех, что шли в России, вам нравятся?

— Я категорический противник мюзиклов, которые идут в Театре оперетты: «Нотр-Дам», «Метро», «Ромео

террористический акт на Дубровке...

— Вы не считаете, что причина неудач многих российских мюзиклов в том, что у российских актеров нет соответствующей школы и необходимого мастерства?

— Вы правы, к сожалению, российская актерская школа все эти годы не развивается. Это хорошо, у России есть своя школа, которая пользуется уважением во всем мире, но, на мой взгляд, это все ужасно устарело. «Зерно роли», «сверхзадачи» — это все ужасный нафталин, это все равно что готовить еду на керогазе. Мне кажется, что нарождается новое поколение

PhotoXPRESS

чтобы американский актер вообще не мог петь и танцевать. Например, Ричард Гир, который всегда был так серьезен, в «Чикаго» вдруг шикарно отплясывает и поет. Так должно быть и в России.

— В последнее время деятели культуры активно участвуют в общественно-политической жизни, подписывают письма... Как вы считаете, деятель культуры должен заниматься политикой?

— В принципе художник должен иметь свою позицию, он должен как-то относиться к тому, что происходит в стране, — одобрять или возмущаться. Это нормально, так происходит во всем мире; времена, когда художник создавал искусство для искусства, давно прошли. Художник не может быть свободен от современной жизни. Но я категорически против, когда певцы, музыканты, актеры, танцоры проявляют свою активность на партийных слетах, пишут письма в осуждение кого-то. Я считаю, что это абсолютно неправильно. Если я хочу поддержать какую-то партию, движение, самое простое — дать этой партии денег. Так поступают во всем мире. Например, Барбра Стрейзанд не являет-

ся членом Демократической партии США, не носит в кармане партбилет, но если она хочет поддержать Клинтона, то дает миллион долларов на его избирательную кампанию. У нас же артисты идут в партию не чтобы дать, а чтобы получить. Он понимает, что, если он вступит в партию имярек, за это ему дадут дачу или дополнительные 10 концертов. Я считаю, что это не мое дело, и никогда этим заниматься не буду. Но я часто выступаю по телевизору в разных ток-шоу и высказываю там свою позицию. Те, кто приглашает меня, примерно знают мою позицию. Я человек демократических взглядов, я долго прожил в Америке и понимаю, что такое свобода. Для меня очень важно высказать свое мнение, но я никогда не подписываю коллективные письма.

— Есть ли люди, чье мнение о вашем творчестве вам важно?

— Критика — важнейшая часть жизни для художника. Всегда очень ценно, когда тебе делают правильные замечания. Но очень обидно, когда это делает глупый, необразованный, не разбирающийся в искусстве критик. Безусловно, есть такие люди, к мнению которых я прислушиваюсь. Называть их не буду, чтобы не подумали, что я подлизываюсь, но их крайне мало. У Карамзина был такой принцип: он читал всю критику, но ни на что не отвечал. Хотя иногда трогают за живое, и хочется взяться за перо и ответить.

● Ольга ВАЙНШТОК

«Для русского человека мюзикл — это что-то вроде стриптиза. Только на стриптиз с женой неудобно, а на мюзикл можно»